

Янь Цун проснулся с удивительным ощущением легкости и покоя — чувством, которое он давно позабыл. В прошлой жизни его ночи были полны кошмаров. Сожаление, страх, глухая ненависть, растерянность и та жалкая, ничтожная надежда, за которую он теперь сам себя презирал, терзали его бесконечно. Эти чувства изнурили его день за днем, не давая покоя даже во сне. Но сегодня он спал без сновидений, и это казалось настоящим блаженством.

Рано утром, еще до того, как он успел открыть глаза, из-за двери донесся резкий шум ссоры.

— Не пойду я туда! Не я его в реку толкнул, с какой стати мне извиняться?

— Еще и огрызаешься?! Не из-за тебя ли он оказался у воды? Не из-за тебя ли в реку свалился? Сколько раз я твердила не соваться на глубину, а тебе все божья роса! Живо иди и проси прощения у Эрбао! Или я из тебя всю дурь выбую!

— Да ты только о нем и думаешь! Вечно он хороший, а я плохой! Раз я старший, значит, во всем виноват?! Почему ты к нему подлизываешься? Ну за что мне все это?!

— Хватит нести чушь! Когда это я тебя обделяла? Чего такого есть у него, чего нет у тебя? Тебе обязательно нужно втрое больше, чтобы ты наконец лопнул от радости?!

— Пока он не родился, все это было моим! Тебе вообще не надо было его рожать!

Раздался звонкий, сочный шлепок — судя по звуку, пощечина вышла на славу. Янь Цуну это показалось забавным. Он быстро поднялся с постели и распахнул дверь палаты.

— Мама, ну что ты делаешь? Зачем ты бьешь брата? Он же вчера меня из реки вытаскивал, спасти пытался, а ты на него с кулаками!

Дежурившая неподалеку молоденькая медсестра тут же подскочила к нему и мягко потянула назад:

— Ну-ка быстро в постель! Тебе еще анализы сдавать.

Она завела Янь Цуна в палату, плотно прикрыла дверь и негромко, заговорщицки произнесла:

— Глупый ты, малец. Не брат тебя спас, а какой-то паренек по фамилии Бай. Так что не мели чепухи и будь впредь поумнее, ладно?

Янь Цун замер с ошеломленным видом. Притворяться для него не составляло труда — в прошлой жизни он только и делал, что играл по чужим сценариям, уверяя себя, что обязан исполнить роль безупречно. Изобразить крайнее изумление оказалось проще простого, и этот потерянный взгляд вызвал у медсестры еще больше жалости. Она измерила ему температуру.

В этот момент дверь приоткрылась, и в палату вошла притихшая И Сыцзя, ведя за собой накупившегося Цзянь Сэня.

Сестра строго посмотрела на вошедших:

— Мальчик еще очень слаб, вчера он перенес сильнейший шок. Ему нужен абсолютный покой, никаких потрясений! Если хотите воспитывать старшего, делайте это дома, а не устраивайте сцены в больнице. Не мешайте пациенту.

— Простите, ради бога, — засуетилась И Сыцзя. — Моя вина. Просто у меня уже руки опускаются от злости.

Медсестра вздохнула:

— Разозлиться-то каждый может. Только толку от криков никакого, вы лишь ссорите братьев. Посмотрите на Цзянь Цуна — он же души не чает в брате. Смотрите, чтобы из-за вашей ругани они не отдалились друг от друга.

Вообще-то, семейные неурядицы пациентов медсестру не касались, но Янь Цун почувствовал искреннюю благодарность к этой девушке, которая, судя по всему, совсем недавно окончила училище. За ее заурядной внешностью скрывалось по-настоящему доброе сердце. Как жаль, что в прошлой жизни он никогда не замечал хороших людей вокруг себя!

— Сестричка, все хорошо, — тихо подал он голос. — Я никогда не буду обижаться на брата. Он всегда будет для меня самым лучшим!

Медсестра ласково потрепала его по волосам. Ей было беспокойно за мальчика, но лезть в чужую семью дальше не следовало. Такого славного ребенка невозможно не любить; удивительно даже, что при такой родительской ласке он не вырос избалованным эгоистом.

— Ну, ладно. Дружите с братом. Если что-нибудь понадобится, нажми на кнопку, я сразу приду, хорошо?

Янь Цун кивнул, но слишком резко — в глазах мгновенно потемнело, и к горлу подкатил приступ тошноты. Медсестра тут же уложила его обратно на подушку:

— Лежи-лежи, тебе пока нельзя резко двигаться. Хоть ты и не ударился головой, но при утоплении мозг пострадал от нехватки кислорода. Тебе нужен покой.

Повернувшись к И Сыцзя, она добавила:

— Мама Цзянь Цуна, когда выпишете его домой, следите, чтобы он первое время не бегал по

улице. Пусть посидит дома.

— Да-да, конечно. Я все поняла, спасибо вам, — торопливо закивала И Сыцзя.

Цзянь Сэнь все-таки выдавил из себя извинения — так же неохотно и сквозь зубы, как и в воспоминаниях Янь Цуна. Но на этот раз мальчик не стал плакать. Вместо этого он ободряюще улыбнулся и крепко взял брата за руку:

— Братишка, да ладно тебе, не бери в голову. Я же знаю, что ты не нарочно. Да и твой друг спас меня только потому, что знает тебя!

Он перевел взгляд на мать:

— Мам, не наказывай его больше, пожалуйста. Ему ведь осенью в выпускной класс переходить, пусть хоть лето проведет спокойно, отдохнет как следует. А с нового учебного года начнется... как там учителя говорят? Настоящий марафон! Я ведь верю, что брат поступит в университет и прославит нашу семью!

Даже зная, что этот ребенок ей не родной, И Сыцзя вырастила его с пеленок, выходила собственными руками. Столько лет она ласково звала его сыночком, и, когда мысли о подмене не лезли в голову, их отношения казались образцовыми. К тому же Янь Цун с самого детства рос на редкость покладистым и послушным. То, что он сейчас сам заступался за ее родного сына, было ей только на руку. Видя, как легко им манипулировать и насколько слепо он доверяет старшему брату, она испытывала глубокое удовлетворение.

— Ну хорошо, хорошо, — заулыбалась она. — Раз вы стоите друг за друга горой, то и мне нечего корчить из себя злую мачеху. Ладно, пойду куплю вам чего-нибудь поесть. Будут тебе и мясные шарики в соусе, и твои любимые тушеные побеги бамбука. Никого не обделю, согласны?

Цзянь Сэню едва исполнилось шестнадцать. Был ли он гнилым человеком? Несомненно. Но в этом возрасте его еще можно было без труда водить за нос. Когда младший брат так робко и ласково заглядывал ему в глаза, выгораживая перед матерью, неприязнь Цзянь Сэня куда-то улетучилась. В груди даже шевельнулась гордость — приятно, когда тобой восхищаются.

Янь Цун прекрасно понимал, что представляет собой его так называемый брат. Достаточно было слегка польстить его самолюбию, и тот терял всякую бдительность. Цзянь Сэнь начисто был лишен проницательности; он оставался напыщенным дураком даже в тридцать с лишним лет, а уж в подростковом возрасте просчитать его не составляло никакого труда. Пока Янь Цун не освободится от оков семьи Цзянь, ему не нужны лишние проблемы, а сделать так, чтобы Сэнь меньше прислушивался к матери, было отличным тактическим ходом.

Глава семейства, Цзянь Нань, работал водителем-дальнобойщиком. Зарабатывал он прилично, но эти деньги давались ему тяжелым, изнурительным трудом. Дома он проводил от силы

месяца три в году, а весь заработок послушно отдавал жене на хозяйство и нужды сыновей. В воспоминаниях Янь Цуна отец остался неразговорчивым, суровым человеком. Он мог прикрикнуть на старшего сына, если тот задира́л младшего, а в будущем даже отта́скал за шиворот Янь Сяна, когда тот завел любовницу. Но и хорошим человеком его назвать было нельзя. Разве порядочный муж позволил бы жене подменить родного ребенка чужим? Стал бы он спокойно смотреть, как И Сы́цзя тащит приемного сына в подпольную клинику, чтобы вколоть ему опасный модифицирующий препарат? Его молчаливое согласие мало чем отличалось от злодеяний жены. Единственная разница заключалась в том, что в детской памяти Янь Цуна лицо отца не ассоциировалось с откровенной жестокостью.

Янь Цун не питал к этой троице ни малейшей привязанности. Если бы у его ненависти была шкала, то Цзянь Нань стоял бы лишь на ступень ниже своей супруги, Цзянь Сэня и Янь Сяна. Когда через неделю отец вернулся из рейса и узнал о несчастном случае на реке, он устроил старшему сыну дежурную головомойку. Впрочем, все его нотации сводились к сухому ворчанию, от которого у Цзянь Сэня уже давно натерло мозоли на ушах. В прошлой жизни Янь Цун искренне верил, что отец так заступает за него из любви. Теперь же он ясно видел: мужчине просто хотелось потешить уязвленное самолюбие и продемонстрировать авторитет хозяина дома — редкая возможность для того, кто почти не бывал в родных стенах и не смел перечить властной жене.

После выписки Янь Цун безвылазно сидел дома. Первые дни Цзянь Сэнь тоже торчал в четырех стенах — мать заставляла его зубрить учебники. Учеба давалась балбесу туго, и Янь Цун под благовидными предлогами стал подсказывать ему нехитрые способы отлынивать от занятий. Ирония заключалась в том, что все эти уловки он подсмотрел у самого же брата в прошлой жизни; теперь он просто возвращал должок.

Большую часть времени мальчик проводил за закрытой дверью своей комнаты, якобы усердно выполняя летние задания. Разумеется, это было лишь ширмой. На третий день после возвращения из больницы он обнаружил удивительную вещь: вместе с перерождением он обрел таинственную Систему и связанное с ней виртуальное пространство.

Система активировалась, пока он еще лежал в больнице. Поначалу Янь Цун решил, что бредит, но после череды проверок осознал: невероятные вещи из фантастических романов стали его реальностью. Жаль только, что его Система оказалась безголосой — она представляла собой лишь парящую в воздухе голографическую панель, похожую на экран планшета. И все же возможность общаться с ней с помощью текстового ввода несказанно его радовала. По крайней мере, теперь на всем белом свете у него был преданный союзник, знающий его подлинное имя и великую тайну его возвращения.

— Если я попытаюсь распахать весь этот пустырь за один раз, то лишусь сна до самого утра. Можно осваивать его по частям? — Янь Цун стер пот со лба. Мотыжить целинную землю примитивным деревянным инструментом из стартового комплекта оказалось адским трудом.

Хотя после каждой физической работы его характеристики росли, тринадцатилетнему мальчишке подобные нагрузки давались с трудом. Он не то что гектар — пару грядок толком вскопать не мог. За несколько дней он нащупал хоть какой-то ритм, но понимал, что держит мотыгу неправильно и тратит слишком много сил впустую, да только спросить совета было не у

кого.

На полупрозрачном экране высветилась строчка:

[Штраф за просрочку временного задания рассчитывается исходя из количества дней, затраченных на его выполнение. Каждый день задержки отнимает два процента от общего объема опыта.]

— Ладно, пусть списывают, — вздохнул мальчик, опуская руки от усталости. — Я правда больше не могу. Кстати, а те дикие ягоды, что я набрал, съедобны? В описании сказано, что они не ядовиты, но там нет ни показателей сытности, ни вкусовых качеств.

[Неидентифицированные ресурсы необходимо поместить в камеру оценки для подробного анализа.]

Янь Цун заглянул в меню крафта и уныло вздохнул. Для создания этой самой камеры требовались железный песок, базовые кристаллы, а также каменные плиты и деревянные палки.

— И где мне прикажешь искать железный песок и эти кристаллы?

[Небольшое количество железного песка можно собрать на поверхности каменной горы. Базовые кристаллы изредка встречаются в гротах у самой кромки воды. Учитывая ваш текущий уровень, вам доступно только исследование поверхности. Подземные работы крайне опасны, добыча руды в шахтах не рекомендуется.]

— Да я бы и сам туда не полез! — буркнул Янь Цун.

В этот момент снаружи послышался тихий шорох. Находясь в виртуальном пространстве, Янь Цун мог улавливать любые звуки из реального мира благодаря обострившемуся ментальному восприятию. Он мгновенно понял, что в его комнату кто-то крадется — это был Цзянь Сэнь.

Быстро покинув пространство, Янь Цун щелкнул выключателем ночника как раз в ту секунду, когда дверь медленно приоткрылась.

— Брат? Ты чего?

Цзянь Сэнь от неожиданности вздрогнул и зашипел:

— Ты чего не спишь глухой ночью?

Янь Цун едва сдержал усмешку.

— Да спал я, спал. Просто услышал, как дверь скрипнула, вот и проснулся. Тебе чего?

— Отец ведь дал тебе вчера пятьдесят юаней?

«Так я и знал, заначкой моей пришел поживиться», — подумал Янь Цун.

В то время их карманные деньги не превышали сотни юаней в месяц, а эти пятьдесят юаней отец сунул им втайне от матери перед самым уездом. Мальчику было не жалко этих грошей — сейчас он все равно не смог бы пустить их в дело. Зато, добровольно отдав их Цзянь Сэню, он получал отличный рычаг давления.

Он выдвинул ящик прикроватной тумбочки, достал хрустящую купюру и протянул брату:

— Вот они. Тебе нужнее?

Цзянь Сэнь даже не ожидал, что младший так легко расстанется с деньгами, и на миг ему стало неловко. Но стыд быстро прошел — это было не в его характере.

— Ну да. Понимаешь, у моего приятеля, который тебя из воды вытащил, скоро день рождения. Нам ведь нужно сделать ему хороший подарок, верно?

Янь Цун усердно закивал:

— Конечно! Братишка, выбери что-нибудь действительно стоящее!

Цзянь Сэнь мысленно похвалил себя за находчивость.

— Еще бы! У твоего брата вкус отменный, барахло не куплю.

«Твой отменный вкус — полнейшая безвкусица, от одного воспоминания тошно становится!» — хмыкнул про себя Янь Цун.

Вслух же он заговорщически прошептал:

— Только давай по-тихому. Отец ведь эти деньги дал нам в секрете от мамы. Если она узнает, то влетит всем троим.

Цзянь Сэнь довольно заулыбался, поняв, что младший его точно не выдаст.

— Обижаешь! Разве я похож на того, кто не умеет держать язык за зубами? Ложись спать. И завтра прикрой меня перед матерью, а то она не отпустит меня в магазин.

<http://bllate.org/book/20137/2105976>